

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ХАРАКТЕР ГИПЕРБОРЕЙСКИЙ

* * *

Вертолёт накренился и, повинувшись воле Сергея Геннадьевича Фёдорова, сделал круг над строительной площадкой. Перед моим взором, словно неровная зубчатая корона, венчающая по горизонту края громадной каменной чаши, проплывали хибинские хребты. По их пологим склонам тянулись овраги, заполненные снегом, из-под которого вырывались серебряные ручьи талой воды. Извиваясь, они скатывались в громадное Умбозеро, куда со всех сторон вползали, словно на водопой чешуйчатые, доисторические ящеры, языки чёрной породы, насыщенные минеральными богатствами. И надо всем этим первобытным хаосом по громадному кругу клубились, обгоняя друг друга, тяжёлые тучи. Сергей Фёдоров своей медвежьей лапой придвинул меня к иллюминатору.

– Вот, глядите, это – бывшая лесная долина, а теперь наша стройплощадка. Вон там, на склоне горы – штольня подземного рудника. За ними – открытый карьер – видите, на его дне шевелятся экскаваторы? А это, – он показал глазами на комплекс прямоугольных зданий, сверкавших на земле, как бело-синие кристаллы, в окружении могучих подъёмных кранов, ажурных металлоконструкций и ползающих, словно жёлтые жуки, самосвалов, – это сердце комбината – обогатительная фабрика.

Я едва успевал схватывать глазами проплывающие под вертолётom серые ленты дорог в карьере, уступы которого были похожи на многоступенчатые пирамиды инков или ацтеков, на громадные корпуса для переработки руды, на величественные, похожие на механизмы для запуска космических ракет, бетоносмесительные установки, устремлённые в небо...

Во время одного из вертолётных виражей внизу блеснула маковка часовенки, стоящей поодаль от стройплощадки на невысоком холме. Сергей Фёдоров перехватил мой взгляд:

– Это часовня в честь Макария Египетского, покровителя горняков.

– Когда же вы всё это успели построить?

Перекрывая своим могучим голосом вертолётный гул, Фёдоров прокричал мне в ухо:

– Летом две тысячи седьмого года мы впервые прорвались на Олений ручей. Вот он – под нами... А завтра обо всём расскажу поподробнее!

...На другой день мы уже сидели на берегу Варзуги возле костра. Река шумела. Соратники и друзья Фёдорова хлопотали вокруг – одни ставили ла-

герь, другие хлестали спиннингами реку, пытаюсь поймать что-нибудь на уху. Сергей Геннадьевич рассказывал. . .

Летом 2007 года он организовал экспедицию на Олений ручей. Пробивались к месторождению, открытому советскими геологами ещё в 1961 году, по бездорожью, через завалы бурелома, через овраги и каменистые осыпи на вездеходе.

Вот тогда-то у Фёдорова, с юности писавшего стихи, зародились первые строчки, ставшие впоследствии гимном будущей стройки. Он связался по радиции со своей помощницей Татьяной Калининой и сквозь урчание вездехода продиктовал:

*На Олений ручей прорывалась братва —
Гусев, Фрол, два Покровских, Матвеев и я,
“На Олений ручей”, — вездеход наш рычит,
Мы пробьёмся к ручью добывать апатит.*

*На Олений ручей, где гора Коашкар
Миллионами лет прячет в недрах сей дар.
На Олений ручей мы пробьёмся, друзья,
Мы построим здесь ГОК, по-другому нельзя.*

Вездеход буксовал, его железные траки рвались, стальные пальцы вылетали из гнезд, мотор перегревался — но “братва”, как называл своих соратников Фёдоров, не сдавалась:

*Мы водички попьём из родного ручья,
Насладимся красою полярного дня,
И дойдём до заветнейшей точки земли,
Где сойдутся две нити мечты и судьбы.*

Позднее появился припев:

*Соединит, друзья, наши старания
Северо-Западная Фосфорная Компания.*

В корявых, но искренних строчках будущего гимна компании пульсировал азарт, жажда самоутверждения, вера в свои силы — словом, многое, без чего не делаются большие дела.

Вскоре после рывка к Оленьему ручью, 21 сентября 2007 г. на месторождении был произведён первый взрыв, чтобы получить породу для исследования. А ещё через несколько дней на месте будущего горно-обогатительного комбината Фёдоров с друзьями поставили глыбу апатита с геологическим молотком и надписью:

Памятный знак
установлен в честь начала
освоения месторождения
“Олений ручей”.

*Мы верим, что победа будет с нами,
Построим ГОК — не задрожит рука.
Для нас всегда весна не за горами
И с нами Бог! Вперёд, СЗФК!*

Последняя аббревиатура расшифровывалась, как “Северо-Западная Фосфорная Компания”. А ключевым было слово “мечта”, потому что Сергей Фёдоров происходил из породы мечтателей.

Председатель Совета директоров компании, Почётный горняк Российской Федерации, полный кавалер знака “Шахтёрская слава”, Почетный гражданин г. Кировска, он не был баловнем судьбы. Родившийся в 1953 году в суровой Восточной Сибири, в горняцком городе Чита, Фёдоров начал зарабатывать на

жизнь уже в школьные годы, отправляясь во время летних каникул в геологические экспедиции. Отучился в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта, в студенческие годы строил БАМ и после института, в 1976 году, приехал по распределению в апатитовую столицу СССР город Кировск Мурманской области, где живёт и работает уже 36 лет. Строил тоннели, шахты, рудники и прошёл путь от горного мастера до генерального директора «Североподземстрой», а потом и акционерного общества «Апатит» и ЗАО «ФосАгро АГ».

Типичная и успешная биография высокого профессионала советской эпохи... А то, что он, доктор экономических наук, остался мечтателем и романтиком, влюблённым в своё время и в своё дело, я понял, когда Фёдоров, на другой день нашего знакомства на берегу реки, после рюмки под свежую уху взял в руки гитару и выдохнул слова, от которых захолонуло моё сердце:

*Если я заболею, к врачам обращаться не стану,
обращаюсь к друзьям, не сочтите, что это в бреду,
постелите мне стель, занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте упавшую с неба звезду.*

Но это же мой любимый Ярослав Смеляков, написавший стихотворение, ставшее песней, в середине 30-х годов! 80 лет прошло с той поры, а песня жива, значит, есть в ней – и в её мелодии и в словах – нечто бессмертное*.

– С каких времён Вы любите и помните эту песню, Сергей Геннадьевич? – спросил я.

– Со студенческих! – ответил мне этот прошедший огни и воды строитель жизни.

* * *

Приватизация предприятий по производству апатитового концентрата в последние годы XX века привела к тому, что оно сосредоточилось фактически в одних руках. ОАО «Апатит» производило более 80% российского концентрата и поставляло свою продукцию заводам, производящим удобрения, по таким ценам, что большинство наших сельских хозяйств не могли это удобрение покупать. И немалая его часть, естественно, продавалась за границу, ради сверхприбылей акционеров-собственников. Многие из них имели ответственность за рубежом, у иных дети учились в заграничных университетах, некоторые бывшие акционеры «Апатита», близкие к его прежнему владельцу Ходорковскому, окончательно порвали с Россией и скрывались за бугром, поскольку выведенных через офшоры апатитных денег им могло хватить на несколько жизней. Сергею Фёдорову, не имевшему за рубежом никакой собственности, у которого сын и дочь, окончившие школу в Кировске, работали вместе с ним и который любил с молодости стихи Смелякова, было обидно и «за державу», и за отечественное сельское хозяйство, поэтому он пошёл на разрыв с владельцами «Апатита», был без работы 8 месяцев, в течение которых и принял решение создать новую компанию по производству апатитового концентрата, что фактически означало конец монополии. Об этом жёстко, но убедительно он сказал в одном из интервью тех лет:

«В своё время я пытался убедить акционеров «Апатита» изменить взаимоотношения с потребителями. Ведь производитель сырья и его переработчик заинтересованы друг в друге. Поэтому я предлагал строить отношения на долгосрочной основе, разработать формулу цены на апатитовый концентрат и заключать договор на 5 и более лет. Но проект остался на бумаге. Понимая, что одному «Апатиту» трудно развивать рудно-сырьевую базу, чтобы обеспечить полностью всех потребителей апатитовым концентратом, я предлагал переработчикам внести свой вклад в её развитие, взять на себя отработку новых месторождений. Для монополиста увеличивать добычу руды нет резона, поскольку необходимы дополнительные вложения в строительство рудно-сырьевых мощностей. Во времена Советского Союза «Апатит» выпускал около 20 млн тонн концентрата, сейчас – 7,5 млн. (В годы, когда «Апатитом» руко-

* Я привожу не книжно-литературный, а песенно-народный вариант текста.

водил Федоров, его команде удалось увеличить производство концентрата до 9 млн тонн. – Ст.К.) Предприятия по переработке были рассчитаны на соответствующий объём сырья. Где сейчас эти предприятия? Одни загружены на половину мощности, другие ещё ниже, а некоторые просто закрыты. На полную мощность или чуть ниже работает всего 6–7 заводов из 15 существующих.

Сегодня вся огромная Россия вносит в землю столько же минеральных удобрений, сколько Белоруссия, площадь сельхозугодий которой меньше в 40 раз. Это объясняется вовсе не “нелюбовью” наших земледельцев к своей земле, они прекрасно знают формулу повышения урожайности, она проста: азот, фосфор, калий. Но сегодня большинство отечественных сельхозпредприятий не может воспользоваться этим эффективным рецептом, потому что – дорого. За последние три года отпускная цена на фосфорные удобрения выросла почти вдвое, что большинству сельхозпроизводителей просто не по карману.

Ситуацию необходимо срочно менять. Поэтому наша компания будет разрабатывать месторождения Олений ручей и Партомчорр. Наша задача – предложить предприятиям-переработчикам, не имеющим собственной сырьевой базы, апатитовый концентрат по доступной для них конкурентной цене”.

... Помнится мне, как полвека тому назад, работая в тайшетской районной газете заведующим отделом сельского хозяйства, я не вылезал из колхозов, особенно во время посевной и уборочной. На обочинах колхозных полей обычным делом было увидеть груды надорванных мешков с рассыпанными удобрениями. Серая апатитовая масса размывалась дождями, распылялась ветрами, утекала с вешними водами в реки. А почему? Да потому что в эпоху плановой экономики стоила копейки, как, впрочем, и водопроводная вода, как и электричество, как природный газ, как бензин, литр которого стоил 20 копеек. .. Что теперь вздыхать! Как говорит народная мудрость, что имеем – не храним, а потерявши, плачем. .

Но рыночная экономика, которая, казалось бы, обещала всё это “плановое расточительство” выправить и отрегулировать “невидимой рукой рынка”, на деле показала свою зверину, алчную, эгоистическую сущность, желая получать сверхприбыли по принципу “на наш век хватит”, не думая ни о благосостоянии страны, ни о людских жизнях.

“Невидимая рука” рынка могущественна. Потому-то у нас рушится Саяно-Шушенская ГЭС, взрывается шахта “Распадская”, тонет теплоход “Булгария”, обманутые дольщики сходят с ума, разваливается только что построенная дорога на Русский остров, а наши государственные мужи в разгар кризиса твердят до сих пор о том, что **“плановой экономикой мы уже наелись за 70 лет”**, что **“государству нужно вообще уйти из бизнеса”**, что **“частный бизнес гораздо эффективнее, нежели государственный”**... Может, оно и так: действительно частный бизнес эффективен для трёхсот тысяч семей, живущих в Англии, нещадно эксплуатирующих собственность, полученную в России за копейки, но он оказался весьма неэффективен для погибших в “Распадской” шахтёров, для утонувших на Саяно-Шушенской ГЭС, для всех принявших смерть в катастрофах, постигших изношенные до предела самолёты частных авиационных компаний, для десятков тысяч обманутых дольщиков, оставшихся и без жилья, и без денег, для несчастных больных людей, которым частный бизнес подсунул в частных аптеках фальшивые лекарства, и т. д.

Москва забыла про северные окраины, и спасаться северянам надо было самим. Сергей Фёдоров понимал это лучше многих руководителей государства, когда в голодные 90-е годы, живя в Кировске, открыл при «Северподземстрое», где был генеральным директором, свинокомплекс и сеть магазинов, чтобы помочь своим работникам и населению моногорода. Кстати, и потом, уже работая в ОАО «Апатит», он создавал торговую сеть магазинов Комбината рабочего питания, но при этом старался, чтобы они не вытеснили с местного рынка предпринимателей, а составили им здоровую конкуренцию. Однако так случилось, что с подачи хозяев «Апатита» («Роспром» – впоследствии «ФосАгро») в 1995 г. «Северподземстрой» перестал существовать. Тогда еще не было понятия “рейдерский захват”, но предприятия уже отбирали. Вот тогда-то у него и зародилась мысль создать собственное дело. И спустя десять лет он начал осуществлять свой замысел. В 2005 году была создана «Северо-Западная Фосфорная Компания» под эгидой «Акрона», который нашел средства для строительства ГОКа. Вызов монополистам был брошен. После

победы в 2006 году в конкурсе на освоение месторождения и необыкновенно быстрой и энергичной разработки проекта в конце 2008 года – в самый разгар экономического кризиса! – началось строительство горно-обогатительного комбината “Олений ручей”, которое приобрело масштабный характер к лету 2010 года.

Слово “масштабный” не является преувеличением. Одновременно начали сооружаться около 200 объектов, в том числе таких крупных, как открытый карьер, подземный рудник, обогатительная фабрика, состоящая из многочисленных корпусов – крупного, среднего и мелкого дробления, обогащения, фильтрации и сушки, сгустителей, пульпонасосной станции, реагентной, силосных складов апатитового и нефелинового концентратов и т. д. Помимо этого были сооружены энергетические объекты: ЛЭП, главная понизительная подстанция, котельная, АЗС. Проложено более 40 км дорог. Построены мосты, гидротехнические сооружения, хвостохранилище, каналы, дамбы, в том числе противолавинные. (Хибинские горы известны своим суровым нравом, и лавины – одно из самых страшных проявлений их необузданного характера.) И у каждого объекта своя инфраструктура. Строительство горно-обогатительного комбината “Олений ручей” – первый на Северо-Западе крупный инвестиционный “green-field” проект. В строительстве занято более 2,5 тысячи человек, десятки подрядных организаций из разных областей – Мурманской, Новгородской, Вологодской, Ленинградской. Генеральный подрядчик ООО “Трест-2” – из Великого Новгорода. На самом предприятии уже создано более тысячи рабочих мест, а вместе с дочерними компаниями около полутора тысяч. Каждый день идёт приём на работу. В компанию принимаются наряду с молодыми специалистами, недавно вышедшими из стен учебных заведений, и люди в довольно солидном возрасте. Они обретают второе дыхание, когда им предоставляется возможность проявить свои знания и применить накопленный опыт на новом производстве.

В результате таких темпов строительства окончательный пуск объекта, запланированный на лето 2013 года, был перенесён на август 2012-го. Строители, как сказали бы в прошлом веке, взяли на себя повышенные обязательства. И грешно над этим подсмеиваться и иронизировать. Потому что нужен свой апатитовый концентрат, чтобы не останавливались из-за его отсутствия перерабатывающие заводы «Акрон» и «Дорогобуж» с 15-тысячными коллективами.

С мая 2012 года, когда было принято окончательное решение о досрочном пуске первой очереди ГОКа, Фёдоров фактически жил на промплощадке, летая в Москву только, чтобы решать неотложные дела, требующие личного присутствия. Ему казалось, что без него работа будет идти не такими темпами, как требовало время, и не так качественно, чтобы соответствовать уровню современного предприятия XXI века. Каждый день обход промплощадки, посещение всех строящихся объектов, строгий осмотр монтажа оборудования. Каждый вечер – подведение итогов дневной работы, каждое утро – селекционное совещание с подведением результатов за сутки. Год назад начался обратный отсчёт времени. На табло при входе в административно-бытовое здание на промплощадке и здании управления комбинатом в посёлке Коашва каждый день менялась информация: “До пуска осталось...” Количество дней стремительно сокращалось. Чем ближе пуск, тем короче время. И даже полярный день, растягивающий рабочее время до 24 часов в сутки, казался коротким. Календарный план работы был сначала помесечным, потом еженедельным, потом – каждодневным. На счету каждый час, и каждый час – под контролем Фёдорова. Ритм работы становился всё более напряжённым, выдержать его под силу только настоящим мужчинам.

Казалось бы, кому это надо? Прошли времена комсомольскихстроек, канул в Лету энтузиазм строителей коммунизма с их моральным кодексом. Но здесь, на Севере, где когда-то строился первый на Кольском полуострове трест “Апатит” и куда сгонялись тысячи лишённых в правах наших соотечественников для выполнения поставленной партией и правительством задачи создания собственной фосфатной сырьевой базы, вновь закипела стройка. И уже нет колючей проволоки, нет спецпереселенцев, но есть несколько тысяч человек, у которых – огонь в глазах и есть огромное желание – построить новый ГОК. У них есть идея, творческая, созидательная. Она их объединяет и ими движет. И есть сильная личность, способная повести их за собой, чтобы воплотить эту идею в жизнь.

Так случилось, что в нашей стране со сломом старого общественного строя произошла подмена понятий. Кто герой? Настоящий создатель жизни или офисный планктон, как теперь называют управленцев многочисленных фирм и организаций? Героями стали эстрадные певцы, которые почему-то сами себя называют “звёздами”, едва появившись на экране ТВ; бандиты — опять-таки с лёгкой руки телевизионщиков и подельцев многочисленных телесериалов; проворовавшие чиновники, которые учат нас жизни и возглавляют “борьбу с коррупцией”. Они — на виду, они живут на широкую ногу, не стесняясь демонстрировать своё богатство, не принося при этом никакой пользы отечеству. И есть “пахари”, умные мужики, которым не нужны ни телеэкраны, ни звёздная слава. Они не играют в политику. Им нужно, чтобы была интересная работа, которая бы приносила удовлетворение от каждого прожитого дня. И даже если кто-то захочет вычеркнуть их имена из нашей отечественной истории, они всё равно оставят свой след на земле в виде новых ГОКов, фабрик и заводов, которые многие десятки лет будут давать работу их соотечественникам, наращивать экономический потенциал страны, обеспечивать её стратегическую и продовольственную безопасность...

* * *

Узнав о создании Федоровым новой компании, к нему потянулись люди, некогда работавшие с ним на «Апатите», тосковавшие, как и он, по настоящему делу. Первой отозвалась на приглашение Татьяна Калинина, его бывший помощник и пресс-секретарь, вслед за ней пришёл опытейший профессионал В. М. Захаров, бывший директор по экономике и финансам Ковдорского горно-обогатительного комбината... Потом люди стали приходиться целыми семьями. Сейчас одним из главных соратников Фёдорова является Михаил Иванович Гусев, горняк высочайшего класса, всю свою трудовую жизнь отдавший Хибинам. Его советские убеждения, его добросовестность и принципиальность в отношении к делу, его щепетильное чувство долга Сергей Фёдоров ценит чрезвычайно высоко, как и то, что на строительной площадке ГОКа рядом с Гусевым работают его жена Галина, их сын Константин, племянник Дмитрий и его супруга Наталья.

Сергей Владимирович Фролов, тоже один из заместителей Фёдорова, привёл за собою на Олений ручей сына Петра, закончившего Санкт-Петербургский политехнический институт, и молодой специалист вскоре стал главным теплотехником стройки.

Рядом с Фёдоровым работают отец и сын Покровские, которым он безраздельно доверяет. Да и сын самого руководителя проекта Николай руководит работой всего транспорта на стройплощадке. Что это — если не семейная артельная ответственность близких людей друг перед другом и перед государством?

Дух семейной артельности особенно ярко проявился в одном из эпизодов моего краткого общения с командой Фёдорова. Во время наших посиделок у костра он неожиданно вспомнил о том, какое впечатление в молодости произвели на него мои стихи, и попросил: “Станислав Юрьевич, в одной из Ваших книжек есть короткое стихотворенье “Из жизни поморов”, не могли бы Вы его прочитать?”

Слава Богу, что я большинство своих стихотворений помню наизусть.

*Старик собрался умирать,
навек уйти в родную землю,
а значит, надо уезжать
домой, в родимую деревню.
И у вагонного окна
он обронил, хлебнув хмельного:
— Отцов, как псов, а мать одна,—
и больше не сказал ни слова.*

Шумная компания одобрила стихотворенье аплодисментами, но Михаил Гусев после недолгого молчания сказал: “А я не согласен с Вами, товарищ поэт! Нельзя так огульно обижать отцов. Вы отец, я тоже отец. Вот сидит мой сын Костя, ну что он о нас подумает?”

Я знал, что Костя работает в компании под началом своего отца, что он толковый специалист. То, что он рыбак умелый, я понял утром, когда вылез из палатки и увидел Костю, бредущего в гидрокостюме по грудь посередине реки, на плече у него был большой подсак, в котором лежало несколько лососей.

Я разволновался и стал возражать Костиному отцу, что “отцов, как псов, а мать одна” – это народная поговорка, потом привёл в пример ему Сергея Есенина, который ни одним словом не обмолвился в своих стихах об отце, но зато много раз с нежностью вспоминал о матери. Я с чувством прочитал есенинское “Ты жива ещё, моя старушка”. Однако Гусев не сдавался:

– Нет, так об отцах говорить нельзя. Есть же такое понятие: Бог-отец, а мы все его дети!

С такой несокрушимой логикой не поспоришь, и тогда я, к счастью, вспомнил, что у меня в поэме “Солнечные ночи” есть глава о том, как однажды в беломорской тайге на охоте я спугнул с гнезда лебединую пару, у которой недавно вывелись два птенца. “Спасён!” – мелькнуло в моей голове, и я вдохновенно прочитал всей честной компании мой гимн отцовству:

*Два лебедя к крылу крыло
над лодкой взмыли тяжело
и не уходят от излучи...
Ах, вот в чём дело — под ольху
два серых близнеца в пуху
забились и молчат в испуге.*

*Отец и мать над головой
готовы жертвовать собой.
Кричат, гортани надрывая:
— Не трогай наших близнецов!
Ты сам из племени отцов!
Отцовство — заповедь святая.*

*Два неуклюжих малыша,
от ужаса едва дыша,
глядят, как лодка режет воду.
А человек веслом гребёт
и думает: “Пришёл черёд
забыть кровавую охоту”.*

Артельная братва удовлетворённо зашумела, Михаил Гусев заулыбался, недоразумение было исчерпано, и мы, довольные друг другом, выпили на по-сошок и распозлились по своим палаткам спать под мерный шум сосен и рокот ледниковой реки.

Я залез в спальник, но долго не мог заснуть, думая об артельной сплочённости фёдоровской команды. Удивительно то, что он задал тон нашему разговору у костра, исполнив песню на слова Смелякова. А Ярослав Васильевич почти 70 лет тому назад, будучи молодым журналистом и ещё малоизвестным поэтом, приехал на строительство уральской Магнитки. Впечатление от этой самоотверженной всенародной стройки он получил столь сильное, что 40 лет спустя, в 1972 году, за несколько месяцев до смерти написал стихотворенье “Банкет на Урале” о том, как в суровое аскетическое время строители Магнитки праздновали приёмку правительственной комиссией очередной домны:

*Я знал, что надо жить смелей,
но сам сидел не так, как дома,
среди седых богатырей
победных дозн Наркомтяжпрома.*

*Их осеняя красоту,
на сильных лбах, блестящих тяжко,
свою оставила черту
полувоенная фуражка.*

“Полувоенная фуражка” – деталь, говорящая о многом. Страна напрягла все силы, чтобы закончить индустриализацию к началу грядущей войны, дыхание которой уже доносилось с пространств обретавшей коричневый цвет Европы, и Смеляков чувствовал, что обязаны построить эти домны в кратчайшие сроки:

*И преднамеренность одна
незримо в них существовала,
как словно марка чугуна —
в структуре чёрного металла.*

*Пей чарку мутную до дна,
жми на гуляш с нещадной силой,
раз норму славы и вина
сама эпоха утвердила.*

Я, знавший Ярослава Смелякова лично, иногда ощущавший на себе его строгую благосклонность, вдруг почувствовал себя некой его ипостасью, сидя среди “седых богатырей” новой эпохи, вглядываясь в лица Михаила Гусева, Сергея Фролова, Владимира Покровского, Александра Лозюка, в небритое, покрытое седой щетиной лицо самого Сергея Фёдоровова, от которого, когда бы я ни звонил ему из Москвы, всегда слышал один и тот же ответ: “Говорить долго некогда, я на промплощадке”... Тот же тип людей, что и на площадках магнитогорских домн... Разве что полувоенных фуражек, оставлявших вмятину на их лбах, не было.

Конечно, строительство рыночной экономики, как, впрочем, и мобилизационной предвоенной в 30-е годы, – дело тяжкое. Хочешь не хочешь, а приходит в результате, говоря словами великого пролетарского поэта Владимира Маяковского, “амортизация сердца и души”. Но всё-таки стержень человеческого, сердцевина природы, укрытая изработанным телом, остаётся в генетическом смысле одна и та же. Что бы ни строил русский человек – социализм или капитализм, он всё делает по-русски. Воля и азарт, расчёт и вдохновение, смекалка и хватка – всё, чему научились нынешние 50-60-летние “седые богатыри” апатитовой страды, всё те же, что были у богатырей “наркомтяжпрома”, и называется эта единая сущность “русским характером”. Характер этот складывался у фёдоровской команды во времена советской молодости, в 70-х – 80-х годах, в геологических маршрутах, в студенческих стройотрядах, в первых трудовых испытаниях, в которые они погрузились после распределения, в армейской службе...

Они ведь не комсомольские функционеры вроде Ходорковского и Невзлина или фарцовщики вроде Гусинского, не сочинские картёжные игроки, подобно Немцову. Нет, это люди из трудового простонародья, из русской глубинки, с крестьянской хваткой, с русским солдатским упорством. Недаром даже большевики-интернационалисты первого поколения 20-х годов поднимали ДнепрогЭС, Турксиб и Кузбасс с лозунгом на устах: “Русский революционный размах плюс американская деловитость!”

Конечно, у нынешнего поколения богатырей нет того чисто идеологического и почти религиозного стимула построения справедливого общества. Конечно же, ими движут и тщеславие, и деньги, и страх остаться на обочине жизни. Но, как я понял, – главная их забота стара как мир: осуществить свою мечту, ощутить счастье творчества, почувствовать себя победителями. Кстати, и смеляковские “богатыри наркомтяжпрома” работали не только за идею. Думаю, что генералы производства в 30-е годы зарабатывали куда больше вчерашних крестьян, ставших на Магнитке рабочими. Но попробовали бы эти генералы заявить, что работают только ради денег. Да и нынешние этого не скажут, потому что это как-то не по-русски. И, словно бы угадав мои мысли, Сергей Фёдоров ударил по гитарным струнам и запел с таким чувством, будто бы о себе:

*Я ходил напролом, я не слыл недотрогой,
если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову горной дорогой
и укройте меня одеялом в осенних цветах.*

И тут, кто в лад, кто вразнобой, кто в лес, кто по дрова, но весь генералитет, сидевший у костра, подхватил припев своего генералиссимуса (генерального директора) нестройным, но самозабвенным хором:

*Забинтуйте мне голову горной дорогой
и укройте меня одеялом в осенних цветах.*

А последний куплет вообще вознёс всю нашу компанию к небесам, напомнил нам о том, что человек — это Образ Божий, примирил нас с грядущей судьбою:

*От морей и от гор тянет вечностью, тянет простором.
Как вдохнёшь, так почувствуешь — снова, ребята, живём.
Не больничным, друзья, ухожу я от вас коридором,
ухожу я, товарищи, сказочным Млечным путём.*

* * *

В северной части Кольского полуострова благодаря спросу на минеральные удобрения в 30-е годы возник город Хибиногорск, переименованный после убийства С. М. Кирова в его честь в Кировск, в 60-е — в 20 км от него возник город строителей и ученых Апатиты, в 70-е — посёлок Коашва, и в каждом из них жили горняки и обогатители комбината «Апатит», который с каждым годом наращивал объёмы производства и планировал развивать Восточный рудник на месторождениях юго-восточной части Хибинского массива. В расчете на большой приток рабочей силы для освоения этих месторождений и было решено построить новый благоустроенный посёлок Коашва. Однако переселяться в него так далеко от обжитых городов согласились не многие, поэтому до конца план развития поселка так и не был реализован. А потом, в эпоху 90-х, и вовсе случилось непредвиденное: падение объёмов производства апатитового концентрата, а с ним и сокращение работников. Коашва превратилась в Богом забытый уголок.

Мы ехали с Сергеем Фёдоровым по его улицам, и он показывал мне пятиэтажные некогда жилые дома с выбитыми оконными рамами, с чёрными квадратами мёртвых глазниц вместо окон, с подъездами без дверей, дома, отрезанные от воды и тепла. Не дома — а призраки. Они стали такими в бандитское ельцинское время, когда новые владельцы Хибинских апатитов, приехавший познакомиться со «своей» новой собственностью, заявили, что им из двадцати тысяч рабочих нужна всего лишь половина. Массовые сокращения выбрасывали людей на улицу — как жить в приватизированных квартирах, если нет работы, если у тебя за неуплату «коммуналки» отключают электричество, тепло и воду? Гайдаровская экономика выдавила, вышвырнула с обжитых мест в небытие сотни семейств некогда вполне благополучного поселка, в котором закрылось всё, что только можно было закрыть: почта, сбербанк, два детских сада, комбинат бытового обслуживания, магазины. Ни «скорой помощи», ни пожарного подразделения, ни постоянного участкового. У безработных не было денег на автобусный билет, чтобы доехать до города по каким-то делам или к врачу. Сотни людей стали бомжами, кто-то пытался жить огородом, но Кольский Север — это не кубанские чернозёмы. Это было время, когда, то ли одурев от алкоголя, то ли от разговоров с «умным», по его словам, Гайдаром, Борис Ельцин по время поездки в Архангельск сказал историческую фразу: «Север легче куда-нибудь перевезти, чем прокормить». Никуда их не перевезли и не «прокормили», и не дали им никакой работы, а просто-напросто оставили вымирать геологические посёлки, местные аэродромы, погранзаставы, метеорологические станции, леспромхозы и лесхозы, военные городки, словом, всю цивилизацию, созданную несколькими поколениями советских людей по всей кромке северных морей от границы с Норвегией до Камчатки.

Когда я услышал рассказ Фёдорова об этой катастрофе, случившейся с посёлком, окружённым драгоценными залежами апатитовых руд, то, глядя на дома с вырванными руками мародёров рамами и дверями, со свинченны-

ми электросчётчиками и водопроводными кранами, вспомнил ещё одно смеляковское стихотворенье, написанное поэтом в 1946 году, когда он находился после финского плена (куда, кстати, попал во время оборонительных работ на Кольском полуострове) в трудовых лагерях Тульского каменноугольного бассейна. Поэт увидел однажды целое кладбище паровозов, изношенных до предела, совершивших всё, что нужно было совершить в эпоху героической индустриализации и Великой Войны, и обратился к ним, словно к одушевлённым существам:

*Кладбище паровозов.
Ржавые корпуса.
Трубы полны забвенья.
Свинчены голоса.*

*Словно распад сознания —
Полосы и круги.
Грозные топки смерти.
Мёртвые рычаги.*

*Градусники разбиты:
Цифирки да стекло —
Мёртвым не нужно мерить,
Есть ли у них тепло.*

*Мёртвым не нужно зренья —
Выкрошены глаза.
Время вам подарило
Вечные тормоза.*

*В ваших вагонах длинных
Двери не застучат.
Женщина не засмеётся,
Не запоёт солдат.*

*Вихрем песка ночного
Будку не занесёт.
Юноша мягкой тряпкой
Поршни не оботрёт.*

*Больше не раскалятся
Ваши колосники.
Мамонты пятилеток
Сбили свои клыки.*

Великое стихотворение эпохи, которое будет понятно выпускнику Института инженеров железнодорожного транспорта Сергею Фёдорову, рисующее страшную картину того, как израбатываются в результате немислимого напряжения не только люди, но и железо. Однако финал стихотворенья пронизан верой поэта в правоту и святость этих исторических жертв, положенных народом на алтарь социализма:

*Шапку сними, товарищ,
Вот они, дни войны.
Ржавчина на железе,
Щёки твои бледны.*

*Тут ведь одно железо,
Пусть оно учит всех...
Медленно и спокойно
Падает первый снег.*

Конечно, сверхнапряжение пятилеток и Великой войны кошунственно сравнивать с сознательно осуществлённой предательской разрухой жизни в 90-е годы, с отчаянием честных людей и мародёрством хищников. Однако хочешь, не хочешь, но надо же выползать, вырываться из объятий этой разрухи, надо же кому-то сказать – хватит! Ни шагу назад! – как в знаменитом приказе № 227, и приступать к возрождению жизни. Таким человеком на своём участке фронта оказался Сергей Фёдоров. Он настоял на том, чтобы часть безлюдных и полуразрушенных муниципальных домов была передана в аренду «Северо-Западной Фосфорной Компании». Около 100 квартир были отремонтированы, в зияющих проёмах окон появились стеклопакеты, к домам были подключены вода, электричество, тепло. В ожившее жильё заселились строители ГОКа «Олений ручей». Вслед за жильём команда Фёдорова добилась того, чтобы на средства, которые компания перечисляет в бюджет Кировской администрации, возродились школа, детский сад, которые из-за недостатка детского населения наполовину законсервировали, дом культуры, школа искусств, библиотека и фельдшерский пункт, построилась спортивная площадка. Потом принялась за торговый комплекс, где будут и кафе, и парикмахерская, и оздоровительный центр. Было выкуплено заброшенное здание детского сада, и старые стены, полностью обновленные, приняли штаб «СЗФК». Теперь здесь управление комбинатом «Олений ручей».

Но главные дела – на промплощадке, где развернулось строительство ГОКа. Такой стройкой можно только гордиться, как и другими грандиозными государственными проектами: нефтепроводом, проложенным по дну Балтийского моря, шоссейной автодорогой Чита–Хабаровск, чудом строительной мысли – мостом между материком и островом «Русский».

* * *

Я думаю, что о человеке можно во многом судить по тому, какие песни он любит, с каким чувством и как часто поёт их... В первый же день у рыбацкого костра на берегу Варзуги Сергей Фёдоров вместе с друзьями исполнил две песни Михаила Исаковского – «Костры горят далёкие, туман в реке купается, а парень с милой девушкой никак не распрощается» и «Летят перелётные птицы в осенней дали голубой», потом перешёл к геологическому гимну «Ах, перекаты» Александра Городницкого, что-то из Глеба Горбовского, бывавшего в этих краях, исполнили. Я напомнил фёдоровской команде, что и Николай Рубцов в 1954 году целый год в Кировском горном техникуме учился на маркшейдера, и прочитал вслух его «Старую дорогу», которая настолько пришлась всем по душе, что пришлось Фёдорову подобрать аккомпанемент, а мне «порубцовски» изобразить его проникновенную архангельскую песню «Потонула во мгле отдалённая пристань». Позже в Москве я встретился с помощником Сергея Фёдорова Татьяной Калининой, и она рассказала, что в Апатитах проходят «рубцовские чтения», что в Кировске существует небольшой музей бывшего кировчанина Венечки Ерофеева, что в советское время в «апатитовую империю» приезжали Даниил Гранин, Юрий Скоп, Юрий Рытхэу, ленинградский поэт и геолог Леонид Агеев, популярные барды Лев Куклин, Юрий Визбор... А ровесник Смелякова молодой Лев Иванович Ошанин в 30-е годы был главным редактором газеты «Кировский рабочий». Так что не случайно Сергей Фёдоров и сам пишет стихи, и знает творчество многих поэтов России...

Наше затянувшееся сиденье июньской белой ночью у костра закончилось песнями Владимира Высоцкого и, конечно же, вечно живым шлягером советской эпохи «Здравствуй, моя Мурка». И поскольку сердца слушателей распахнулись навстречу простонародной, лагерной стихии минувших времён, я рассказал моим новым друзьям о судьбе поэта Виктора Бокова, о встречах с ним, о его пребывании в лагерях сталинской эпохи, о том, как он проклянул «усатого тирана» в стихах сороковых годов и как он преклонился перед его памятью в девяностые годы, когда увидел, что случилось с Россией:

*Я жил при нём. При нём сидел и строил.
Я понимал, что мне не жить в раю.
Прости, мой вождь, что я побеспокоил
бессмертную фамилию твою.*

Давно уже у меня не было столь благодарных слушателей, как в этот подаренный судьбой вечер... А наутро Сергей Фёдоров подтвердил, что он является руководителем авторитарного стиля: увидев, что некоторые его подчинённые вечером, как говорится, перебрали лишнего, объявил сухой закон, приказал все запасы алкоголя перенести к нему в палатку и не обращал никакого внимания на отчаянные, просящие о сочувствии взгляды, обращённые к нему.

* * *

На следующий вечер, когда соратники Фёдорова, удручённые от введения сухого закона, уныло разошлись по палаткам, мы попили с ним чаю, послушали шум реки, полюбовались тусклым свечением белой ночи, и перед тем, как разойтись, Сергей Геннадьевич спросил меня:

— А Вы что-нибудь знаете про Гиперборею?

Я с трудом, но вспомнил одну из поэм поэта-сибиряка Леонида Мартынова из его некогда знаменитой книги “Лукоморье”, изданной перед войной.

— Ну так слушайте, — сказал Фёдоров, — я Вам кое-что расскажу.

И он поведал мне о народах мифической Северной Евразии, якобы располагавшейся на материках около десяти тысяч лет тому назад, погрузившейся, подобно Атлантиде, в глубины нынешнего Северного Ледовитого океана, который был тёплым, и хребты Ломоносова и Менделеева, ныне находящиеся под водой, возвышались над его поверхностью.

К такому выводу пришли многие учёные — и американские, и канадские, и российские. На карте современного арктического дна якобы хорошо видны очертания огромного плато, с речными долинами, с извилистой береговой линией... Климат этой Гипербореи был благоприятным для жизни, о чём до сих пор свидетельствуют ежегодные перелёты птичьих стай с Юга на Север — генетическая память о тёплой, уютной прародине каждый год заставляет их возвращаться для размножения на земли предков... На карте знаменитого английского мореплавателя Герарда Меркатора, изготовленной в 1595 году, изображён легендарный материк Арктида, в виде архипелага из четырёх огромных островов, отделённых друг от друга полноводными реками...

Многие учёные предполагают, что эта карта, попавшая в руки Меркатору от древних греков, была создана гиперборейцами, покинувшими свою родину после какой-то всемирной катастрофы, сведения о которой есть в календарях египтян, ассирийцев и народов майя... Одним из древнейших индоевропейских наименований Солнца было слово “Коло” — отсюда и “кольцо”, и “колесо”, и “колея”, и “колядки” — праздник славян в честь зимнего солнцестояния... От этого древнейшего корня возникло имя реки Колы и всего Кольского полуострова.

Историк древнего мира Плиний Старший так изображал страну Гиперборею и её народ в своей “Естественной истории”:

“За этими [Рипейскими] горами, по ту сторону Аквилона [Северный ветер — синоним Борея. — Ст. К.], счастливый народ, который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, светила там восходят только однажды в год. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. Нельзя сомневаться в существовании этого народа”.

Никакая рыночная экономика не вытравила из русско-советского человека Сергея Фёдорова его мечтательности, его любви к русскому поэтическому слову, к родной песне, к таинственным мифам древности.

Если бы кто-то взялся написать его служебную и человеческую характеристику по образцу из знаменитого советского сериала “Семнадцать мгновений весны”, то в последней графе, где речь идёт именно о характере, следовало бы написать вместо банального **“характер нордический”** — более точно и глубоко: **“характер гиперборейский...”**